

Наталья
Громова **Ноев**
КОВЧЕГ
писателей

Наталья
Громова **Ноев**
КОВЧЕГ
писателей

Эвакуация 1941–1945

Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
Г87

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

В книге использованы фотографии из архива автора.
Автор благодарит за предоставленные фотоматериалы наследников Г.Л. Козловской,
музеи Анны Ахматовой в Санкт-Петербурге и Марины Цветаевой в Елабуге

Громова, Наталья
Г87 Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата /
НАТАЛЬЯ ГРОМОВА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 656 с.

ISBN 978-5-17-106840-0

Второе издание книги Натальи Громовой посвящено малоисследованным страницам эвакуации во время Великой Отечественной войны — судьбам писателей и драмам их семей. Эвакуация открыла для многих литераторов дух глубинки, провинции, а в Ташкенте и Алма-Ате — особый мир Востока. Жизнь в Ноевом ковчеге, как называла эвакуацию Ахматова, навсегда оставила след на страницах их книг и записных книжек. В этой книге возникает множество писательских лиц — от знаменитых Цветаевой, Пастернака, Чуковского, Федина и Леонова и многих других до совсем забытых Якова Кейхауза или Ярополка Семенова. Книга основана на дневниковых записях, письмах, мемуарах и устных рассказах свидетелей тех лет. Читатель сможет увидеть бытовое, житейское, непарадное лицо войны.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-17-106840-0

© Н. Громова, 2008, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Предисловие	9
Москва. Начало войны	15
Бомбежки.	21
Цветаева. Попытка отъезда	28
Москва-река — Кама. 8 августа	31
Чистополь. Елабуга. 6 июля — 18 августа.	37
Рассказ Берты Горелик. Чистополь — Берсут	43
Елабуга. 18–24 августа	50
Рассказ Либединской о Нине Саконской	55
Чистополь Цветаевой. 24–28 августа.	57
Без меня Мур будет пристроен.. 28–31 августа	66
31 августа	69
Разговор с Вадимом Сикорским	73
Похороны эвакуированных	75
Отражение гибели Цветаевой	81
Мур в Чистополе. Сентябрь 1941 года.	85
Москва. Осень 1941 года. Сентябрь–октябрь	94
Осень в Москве: Луговские. Белкина	99
Второй вал эвакуации. Казанский вокзал	108
Поезд “Москва — Ташкент”	115
Поезд (продолжение). Фронт — эвакуация	122
Москва. 16 октября	126
Москва — Казань — Чистополь. Октябрь — ноябрь.	135
Ташкент. Конец 1941-го — начало 1942 года.	142
Ташкентский мир. Расселение писателей	153
Горький запах эвакуации	156
“В этой комнате колдунья до меня жила одна..”	161
Опыт бедственного счастья	164

Сказка о сне	170
Смерть матери Луговских. Начало — середина 1942 года	174
Назначенный круг	182
Жизнь двора на Жуковской	205
Дзидра Тубельская. Влада Уборевич	216
Пушкинская улица — Первомайская улица.	
Алексей Толстой и другие	221
Каморка Георгия (Мура) Эфрона	228
Чужое	239
Пайки	246
Оставленные вещи	249
Распределитель	252
Алайский рынок	256
Прогулки по городу	265
Ноев ковчег. Улица Карла Маркса, 7	269
Болезни. Кривотолки. Расставания	275
Чуковские	282
Мария Белкина и Анатолий Тарасенков	287
Разговоры. Настроения. Слухи	296
Ташкент — Чистополь	302
Чистополь. Конец 1941–1942. Пастернак.	
Опыт эвакуации	304
Интернат. Дети	312
Гибель детей	319
На фронт	325
Зима 1941/42 года	340
Валентин Парнах	342
Яков Кейхауз	345
Федин. Леонов. Пастернак. Попытка дружбы.	
Весна 1942	351
Асеев и сестры Синяковы	362
Чистополь. Семья Авдеевых	369
Чудо Марии Петровых	374
Быт Чистополя. Голоса обитателей. Лето 1942 года	379

Пастернак и Марика Гонта. Между Чистополем, Елабугой и Москвой. Осень 1942 года	384
Елабуга: Саконская. Лозинский.	392
Письмо Ярополка Семенова Пастернаку	397
Конец 1941 — начало 1942 года. Картины Москвы	407
Другая Москва. Середина — конец 1942 года	411
Пастернак в Москве. Осень 1942 года	417
Алма-Ата. “Голливуд на границе Китая”	422
Город снов	431
Сергей Ермолинский.	438
Воробьиная ночь	442
Новый 1943-й	444
Константин Симонов	449
Расставание	455
На балахане Ахматовой. Середина — конец 1943 года	470
Ксения Некрасова	478
Ахматова и Луговской	484
Лестница. Вторая половина 1943 года.	495
Дети и подростки.	500
Братья Айтаковы	505
Жалобы Фадееву.	510
В ожидании вызова. Конец 1943 — начало 1944 года	513
Перед отъездом из Чистополя.	527
Кама — Москва. 25 июня 1943 года	532
Большие надежды.	538
Реакция власти на свободу	542
Возвращение Мура. Фронт.	548
Эпилог: ташкентцы и чистопольцы	554
Ахматова	560
Елена Булгакова	563
Татьяна Луговская	565
Владимир Луговской	569
Мария Белкина	574

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вокруг Чистополя — Елабуги

Рассказ Л. Либединской о проводах Цветаевой	579
Письмо Н. Соколовой М. Белкиной	582
Из архива М. Белкиной	
<i>Письмо Н. Трениной (Павленко) М. Алигер</i>	<i>589</i>
Из архива Н. Коваленковой (Алигер)	
<i>Письмо Г. Санникова о смерти жены Е. Санниковой</i>	<i>592</i>
Из архива Д. Санникова. Вокруг Ташкента и Алма-Аты	
<i>Е. Булгакова — В. Луговскому. 4.06.1942</i>	<i>599</i>
<i>Е. Булгакова — В. Луговскому. 20.06.1943</i>	<i>603</i>
<i>Е. Булгакова — В. Луговскому. 26.06.1943</i>	<i>611</i>
<i>Е. Булгакова — В. Луговскому. 27.06.1943</i>	<i>612</i>
<i>Е. Булгакова — В. Луговскому. 1.07.1943</i>	<i>612</i>
<i>Е. Булгакова — В. Луговскому. 12.09.1943</i>	<i>616</i>
<i>Письма Е. Булгаковой Т. Луговской</i>	<i>618</i>
<i>Т. Луговская — Л. Малюгину</i>	<i>623</i>
Именной указатель	628

Предисловие

В этом издании объединены и дополнены два документальных повествования о писательской эвакуации: ташкентской и чистопольской. Книга “Все в чужое глядят окно...” была посвящена пребыванию писателей и их семей в Ташкенте и Алма-Ате, “Дальний Чистополь на Каме...” — о жизни в Чистополе и Елабуге.

Книги основывались на личных воспоминаниях и семейных архивах, что позволило поднять большой пласт частных сюжетов, вписанных в общую историю эвакуации и вызвавших большой интерес к этой теме. По книге о ташкентской эвакуации были сняты два документальных фильма.

История СССР полна самых невероятных мифов. И, конечно же, огромная доля в их создании принадлежит советским писателям, художникам и поэтам. Но за официозом газетных страниц, за лакировкой прошлого всегда можно различить подспудную, тайную жизнь, запечатленную в дневниках, письмах, устных преданиях и рассказах.

История жизни отдельного человека когда-то сложится во-едино из разрозненных сюжетов, позволит увидеть неофициальное, живое лицо нашей общей истории.

Советские литераторы, режиссеры — во многом осколки прежней русской интеллигенции, оставшейся в живых после катастрофы 1930-х годов, — с началом войны испытали

множество противоречивых чувств. Тут было и облегчение, и страх, и даже чувство раскаяния за вольное или невольное соучастие в государственном терроре. Кто погиб в ополчении, кто приобрел авторитет и известность, проходя тяготы войны, те же, кто оказался в эвакуации, почувствовали вдали от власти раскрепощение, вернулись к своей подлинной писательской работе.

Эвакуация была так же трагична, как и война; вывозили детей, больных, стариков; люди голодали, умирали вдали от дома. В городах и поселках, куда их привозили, было тяжело. Местные жители, лишенные средств, сами годами жившие впроголодь, теснившиеся большими семьями в уплотненных квартирах или домах, по разнарядке обязаны были подселать огромный поток беженцев в свои дома, а порой и освобождать приезжим комнаты, ютятся в углах. И все-таки как могли — помогали, кормили, селили.

Шла эвакуация детских домов, детсадов, школьников собирали в школах вместе с учителями и вывозили из города. В сентябре писательских детей из местечка Берсут на Каме перевезли в интернат Чистополя.

Чистополь, или Чистое поле, был назван в память о сожженном поселении, основанном в XVIII веке беглыми крестьянами. Солдаты по царскому указу пришли сюда и выжгли дома и постройки, сделанные руками тех, кто бежал в поисках свободы. И стало на том месте — Чистое поле. Часть слова “поль” (как в словах “Петрополь”, “Акрополь”) напоминает не об античном происхождении города, а о горькой драме, разыгравшейся на его месте. Спустя два века город вновь принял бегущих от войны и бомбежек писателей и их детей.

Чистополь — маленький провинциальный городишко, стоящий на Каме. Ряд ровных, под прямым углом расчерченных улиц с двухэтажными домиками. Как и все окрестные городки, Чистополь летом — пыльный и сухой, осенью — непролазный из-за размытых дорог, зимой — иногда до самых крыш в сугробах.

В военное лето 1941 года для одних писателей он стал перемалочным пунктом — они устраивали свои семьи и уходили на фронт, для других — почти на два года домом, для третьих — местом упокоения. Эвакуация осталась в памяти писателей очень разной.

Часто было так, что советские литераторы оказывались на войне и в эвакуации лицом к лицу со страной, которую не знали, или стали забывать, какая она на самом деле... Многие испытали шок, кто-то изменился, кто-то стал писать после войны совсем по-другому.

Цветаева, несмотря на краткий отрезок жизни в эвакуации, оставила след в памяти многих литераторов. О ней говорили, ей сострадали, сообщали в письмах о ее гибели. Некоторые литераторы прочитали ее трагедию как вызов и своей заброшенности, отсутствие опеки государства. Цветаева никогда не надеялась на подобную заботу. Многие из тех, кто оказался в Чистополе в июле-августе — а это были в основном женщины с детьми, — встретили Марину Цветаеву с сыном на пароходе или услышали о ее гибели в сентябре, когда новость долетела из Елабуги. Попутчики Цветаевой сошли в Чистополе, но так как он был переполнен, московский Литфонд рекомендовал беженцам отправляться дальше — в Елабугу. И они отправились...

Пастернак, о котором много будет рассказано в этом повествовании, оказался в Чистополе в середине октября, когда Цветаевой уже не было в живых. Это стало роковым *разминувением* двух близких людей и поэтов, также она *разминулась* в Чистополе с Тарковским и Ахматовой, приехавшими сюда в октябре.

В отличие от большинства писателей, драматично переживавших события войны и свой исход из Москвы, Пастернак отнесся к войне и эвакуации как к новому духовному опыту. Даже в самые ужасные годы в его голосе звучала предельная откровенность и искренность. Пастернак о Чистополе говорил с нежностью как о “городке детского и писательского посе-

ления, который благодаря этому казался посвященным детству и сосредоточенью”.

Со вторым, более мощным потоком эвакуированных писателей, принятых в октябре, когда Москва готовилась к сдаче, в Чистополе помимо Б. Пастернака, окажутся А. Фадеев, А. Арбузов, Вс. Багрицкий, В. Билль-Белоцерковский, Г. Винокур, С. Галкин, С. Гехт, А. Гладков, М. Зенкевич, Л. Леонов, В. Парнах, Д. Петровский, М. Петровых, А. Тарковский, К. Федин и многие другие... Кто-то устроит семью и уйдет на фронт, а кто-то проживет в Чистополе вплоть до лета 1943 года.

Поток эвакуированных шел в Куйбышев (Самару), Киров, Казань, Чистополь, Свердловск, Пермь (Молотов) и Ташкент. Правительственных и партийных чиновников расселяли в Куйбышеве, где уже все было готово для приема и самого вождя. В Куйбышев был отправлен МХАТ — ведущий государственный театр. В Кирове оказались московские и ленинградские драматические и оперные театры. Восток, Азия казались более безопасными. Однако чем напряженнее складывалась обстановка на фронте, тем острее ощущалось, как ослабевали нити, связывающие Среднюю Азию и Россию.

Стали слышны разговоры о том, что дальнейшее поражение на фронтах может привести к превращению Узбекистана в англо-американскую колонию. И что тогда? Как узбеки отнесутся к лавине беженцев из России? Настроение было мрачным.

В Ташкент тоже было эвакуировано множество известных людей; их горести, переживания, большие и маленькие трагедии становились достоянием всей колонии, напоминавшей огромную коммунальную квартиру. Жизнь на виду, порой скверная, а порой очень теплая и человечная, пронесла — как на карусели трехлетнего совместного бытования — людей благородных и трусливых, честных и мошенников. Война и эвакуация сдвинули с места многие судьбы, обнажили в людях скрытую природу. Рушились на глазах ложные репутации, воз-

никали — подлинные. Потеря близких, любовь и измены, болезни, смерти, самоубийства, гибель на фронте — все эти реальные события во многом освободили людей от тяжелой лжи, в которой пребывала страна в конце 1930-х годов.

В далеком восточном городе, за тысячи километров от Москвы, в самом начале войны многие испытали непривычное для советских людей чувство отчужденности от страны, которая все прежнее время жестко держала их в повиновении.

Государственная машина, приводящая в движение множество деталей огромного механизма, на большой скорости вдруг стала буксовать, останавливаться, тормозить и наконец остановилась совсем. Люди оказались предоставлены сами себе. Они должны были самостоятельно не только организовывать свою жизнь, искать кусок хлеба, но и ориентироваться в происходящем. Это давало им и чувство страха, и острое чувство свободы. Одними из первых трагическую новизну почувствовали писатели. В эвакуации они стали жить очень плотным сообществом, получали письма с фронта и из Москвы, вместе обсуждали последние известия...

Ташкент принял большое количество писателей, ученых, актеров с их семьями, разместили их в частных домах и в официальных зданиях — на улице Карла Маркса, где стояло здание Совнаркома, на Пушкинской улице, где часть ученых, писателей и актеров поселили в четырехэтажном здании управления ГУЛАГа, на Первомайской улице, расположенной по соседству, где был Союз писателей Узбекистана, и на улице Жуковской.

Здесь жили А. Толстой и К. Чуковский, его дочь Л. Чуковская, А. Ахматова, драматург И. Шток, Ф. Раневская, Н. Мандельштам, семья Луговского (поэт, его мать и сестра), Е. Булгакова, писатель В. Лидин, поэт С. Городецкий с семьей, литературоведы М. и Т. Цявловские, Д. Благой, Л. Бродский, В. Жирмунский, драматург Н. Погодин, писатели Н. Вирта, И. Лежнев, критик К. Зелинский, М. Белкина и многие другие.

Ташкент, его улицы, дома, дворы, деревья, комнаты, уголки, лестницы — это тот “сор”, из которого сложилось художе-

ственное пространство: стихи, строфы эпилога “Поэмы без героя” Ахматовой, книга исповедальных поэм “Середина века” Луговского, другие мемуарные и документальные тексты.

Жизнь эвакуации сохранилась в дневниках, в записных книжках, в поэтических строфах дневникового характера. Каждый фрагмент писем, записок, стихов раскрывает причудливую картину жизни города, его случайных обитателей, занесенных сюда ветром войны.

Большим подспорьем в создании этой книги стал сборник “Чистопольские страницы”, где история чистопольской эвакуации была представлена в документах и частично в произведениях писателей, а также богатый материал из семейных архивов Луговского (ныне архив В. Седова), Л. Голубкиной (Луговской), М. Белкиной (Тарасенковой), Л. Либединской, А. Коваленковой (Алигер).

В этой работе приводится много новых документов периода войны из архивов РГАЛИ и семейных архивов, а также устных рассказов участников событий.

Москва. Начало войны

22 июня 1941 года для большинства людей Советского Союза кончилось привычное течение времени. Жизнь пошла рывками: от одной сводки информбюро до другой, от одного объявления воздушной тревоги до другого, от ожидания фронтового треугольника до получения похоронки...

Большинство современников рассказывают, что в день начала войны не было страха, ужаса, отчаяния — напротив, многие ощутили подъем и облегчение от того, что война, о которой столько времени говорили, настала и наконец все разрешится. Правда, этот порыв испытывала по большей части молодежь — старшее поколение молчало.

Многие поэты и писатели с 23 июня были прикомандированы к фронтовым газетам и незамедлительно туда отправились.

На митинг, собравшийся в Союзе писателей, народу пришло немного. Вел его Александр Фадеев. Вспоминают, что зал был полупустой, заполненный малознакомыми людьми. Выступающие говорили напряженно. Неловкость была связана с тем, что несколько лет говорили о дружбе с Германией. Выступил ка-